

**Савва ЯМЩИКОВ,
Станислав ПАНКРАТОВ**

СОХРАНИТЬ НАРОД РОССИИ *

В 2010 г. журнал «Север» отмечает свое 70-летие.

23 мая С.А. Панкратову исполнилось бы 75 лет.

Станислав Александрович Панкратов был одним из тех главных редакторов, кто сумел дать журналу «второе дыхание».

Предлагаем вниманию читателей интервью, которое у С. А. Панкратова взял Савва Ямщиков, многие годы бывший

членом редакционного совета «Севера», ушедший из жизни в 2009 г.

Нам и сегодня важно, о чем говорили эти великие люди, родные «Северу».

Примечательно, что С. Панкратов в 2003 г. мечтал о том времени, когда у «Севера» будет 1000 читателей.

Сегодня их больше.

Мы осуществили мечту С. А. Панкратова.

И, преодолевая новые трудности, мечтаем о новых достижениях.

Но будущего нет без прошлого.

Поэтому вдумаемся в сказанное Станиславом Александровичем с благодарностью и надеждой...

Елена Пиетилияйнен, главный редактор журнала «Север»

* Материал из книги С.В. Ямщикова «Созидающие». Москва, «Русский миръ», 2007. Серия «Большая московская библиотека». Печатается в сокращенном варианте.

Савва Ямщиков. Станислав, обычный для меня вопрос ко всем собеседникам. Мы с тобой ровесники, большая часть жизни прожита. Мне бы хотелось, чтобы ты нашим читателям сказал о том, что в твоей жизни самое главное, чем ты руководствовался, работая и занимаясь и писательским трудом, и строя дом на берегу Онежского озера. Что для тебя было главным?

Станислав Панкратов. (...) Журнал «Север», который выходит в Петрозаводске с 1940 года, имеет право быть преемником великих сказителей, певцов – так же, как был великим плотником Борис Елупов, которого ты упоминал, – это все великие русские мужики, без которых страна неполна. Страна остается сиротой без них – и в духовном смысле, и в рабочем. Я хотел крупно заснять или зарисовать руки Елупова, когда он был жив, но не удалось этого сделать... А их руки, их сердца, их души, их ум – это наследие, без которого наша дальнейшая жизнь просто обрывается и превращается в нечто совсем иное – и по качеству, и по содержанию. Помнишь, как Борис Федорович говорил: «Ломать – не строить, сердце не болит...» Такой приговор всем, кто с таким удовольствием ломал церкви и старые дома распиливал на дрова – и ломал жизнь духовную. Поэтому, когда четыре года назад журнал «Север» попал мне в руки как к главному редактору, для моей дальнейшей работы был фундамент. Я думаю, это очень важно, с этого нужно начинать, потому что бесфундаментный журнал как бы повисает в воздухе. Так же, когда горит костер и есть единое тело пламени, которое гре-

ет, на котором можно что-то сварить, которое может спасти от холода, и язычки, которые отрываются от основного тела пламени и истаивают в воздухе. Мы не имеем права истаивать в воздухе, мы должны греть, быть полезными в приготовлении пищи, потому что здоровый народный смысл – он не должен уходить из нашей жизни, какие бы мы ни были интеллигенты, как бы тонко мы ни чувствовали, какие бы сверхдушевные вибрации ни испытывали. Я думаю, отрывать от простого, очень понятного житейского здравого смысла мы просто не имеем права. Потому что мы – народная интеллигенция, которая с народом не прорывает.

Я в журнале «Север» заведовал отделом прозы около 30 лет, и замечательную вещь Василия Белова я первым прочитал в редакции и сразу понял, что это вещь из классической русской литературы. Таких вот замечательных вещей было немного. Их, может быть, было меньше десяти. Но в том-то и дело, что много гор – пики одиночные: и когда пик появляется, все остальные понимают, куда надо стремиться, к каким высотам. Потому что Василий Белов прислал мне из Вологды эту вещь, а потом я читал не меньше 10-15 повторов разных авторов. Люди прожили ту же жизнь, с той же биографией, с той же судьбой, знают вологодское наречие, героев, людей – и они пытались повторить.

С.Я. Станислав, как раз в те годы славные, когда ты «Привычное дело» редактировал, ваш журнал, как принято говорить, держал планку. Журнал был эталоном для русской, да и не только русской, периферии Советского Сою-

за. Я помню, как радовался, когда в молодые годы в журнале местный краевед Агапов опубликовал рецензию на мою первую книжку о живописи древней Карелии. Как вам тогда удавалось держать эту планку?

С.П. Бывало очень трудно. Мне сейчас не хочется повторяться про сложности с цензурой, достаточно сказать, что «Привычное дело» мы напечатали с таким расчетом, чтобы не попасть под цензурный нож, и написали в конце повести – «Конец первой части». Как бы все светлое, жизнеутверждающее будет во второй. А это те трудности, которые деревня переживает... То есть были разные хитрости. Но иногда бываю моменты, когда действительно не знаешь, что делать. Вещь замечательная, а напечатать ее нельзя. Тут мы искали разные ходы. Тогда редактором был Дмитрий Яковлевич Гусаров – человек, прошедший войну, человек высокой честности, порядочности, что не так часто встречается среди главных редакторов журналов, в том числе и столичных. И у нас была выработана простая формула: не знаешь, что делать, – поступай по совести. И это, как ни странно, помогало. Вот, скажем, с «Привычным делом» Белова. У него судьба была очень сложная и очень опасная, все могло кончиться ничем. Белов дал сначала ее Твардовскому в «Новый мир», а Твардовский тогда решал сложные проблемы с вещами Солженицына и, когда прочитал повесть «Привычное дело», сказал: «Вещь замечательная, но с ней в ЦК партии я не пойду». Он настолько был уже измотан литературной возней, которую даже борьбой нельзя назвать... И здесь, кроме всего прочего, сработало

наше периферийное положение. Ну, журнал небольшой, тираж тысяч двадцать тогда был, выходит в Петрозаводске – кто расчушает, что там напечатали они? И напечатали, и недавно отмечали 35 лет публикации, и я попросил Белова прислать весь список публикаций «Привычного дела». Он прислал. Это что-то невероятное: повесть переведена на все европейские языки, на все главные языки Азии, это несколько десятков изданий! И это не воспоминания Брежнева, которые можно было печатать под флагом Политиздата на всех языках, на прекрасной бумаге. До того иногда жалко бывает: сколько места перевели на классиков марксизма, избранные речи товарища Кунаева...

С.Я. Станислав, ты упомянул Дмитрия Гусарова. Я не был лично с ним знаком, но за журналом следил и встречал его на разных собраниях в Петрозаводске. С точки зрения прошедшего времени: ведь Гусаров такой же честности человек, как, скажем, Богомолов, недавно ушедший из жизни, как многие фронтовики – люди, которых поддерживали в жизни законы военного времени. Почему я сейчас об этом вспомнил, Станислав, ведь ты в Петрозаводск тоже пришел с военных рубежей. И мне бы очень хотелось, чтобы ты сказал несколько слов о своей мурманской юности, о начале творческого пути там, на рубежах северных...

С.П. Наверное, так и нужно поступать, поскольку, чтобы подойти к нынешнему состоянию журнала, надо все-таки немного понять, что собой представляет тот, кто делает его своими руками... Могу сказать, что моя биогра-

фия во многом состоялась. Начинать на Северном флоте, где я был членом литературного объединения Северного флота, самого первого состава. В это время в литобъединении Северного флота вместе со мной был Николай Рубцов, который служил на соседнем эсминце, мы стояли борт о борт; Валентин Сафонов, его родной брат Эрнест Сафонов руководил Рязанской писательской организацией, когда там исключали Солженицына, – он не проголосовал за исключение, его выгнали из Рязани, и он несколько лет бедствовал, переехав в другой город... В общем, в первом составе литобъединения было примерно 22-23 человека. Мы как-то сели, посчитали, и у нас получилось, что 16-17 человек стали членами Союза из первого состава. Не слабо! Причем Николай Рубцов тогда только начинал, и он не был самым заметным из наших поэтов того времени... Там творили ребята более сложившиеся, а Коля тогда только подбирался к своей основной тематике. Но, что называется, ничто не пропадает даром. Я участвовал в атомных учениях на Новой Земле, был на Шпицбергене, на Земле Франца-Иосифа... Много во льдах ходил, дружил с Соколовым, главным среди капитанов атомохода «Ленин». Начальник радиостанции атомохода Виталий Маслов – очень интересный прозаик, он в Мурманске имел авторитет, сопоставимый с авторитетом губернатора или епископа, и я бы даже сказал, этот авторитет был значительнее... Его глубоко уважала интеллигенция Кольского полуострова. Когда я приехал в Петрозаводск и начал работать в журнале, конечно, у меня через 15-20 лет сложился свой внутренний, так сказать, облик журнала, своя концепция. Но это была концеп-

ция советского времени, и прежде всего эта концепция опиралась на беспхлопотное финансирование. Тогда все, что положено, журнал получал – единственное, что сдерживали, понимая, что это русский журнал и с серьезной русской направленностью, всероссийской такой озабоченностью о жизни народа, – нас очень сдерживали в тиражах, более 22 тысяч не давали. А заявки из Москвы, Союзпечати приходили – 30 тысяч только для киосков... В середине 90-х журнал барахтался, что называется, пытаюсь сохраниться. И когда четыре года назад меня позвали уже главным редактором, потому что не ведали, что делать, – я тоже не знал, честно говоря, с чего начинать. Первый номер обновленный должен был выйти в 2001 году, в новом веке. Я сказал, что в старом веке он уже не выйдет, – сделаю все, чтобы он вышел в новом. И мы пять месяцев с новым художником делали журнал, который даже трудно было объяснить, каким он должен быть. Но, как я уже говорил: когда не знаешь, что делать – делай по совести. И одной из центральных вещей в первом, обновленном номере было завещание Дмитрия Балашова – его убили в 2000-м. Из его выступлений на телевидении и радио, их было семь часов, я и составил завещание. А выступал он блестяще. Это был публицист прирожденный, с широкими знаниями, с глубоким пониманием технологии власти. «Север» печатал всю серию его исторических романов «Государи Московские». Завещание в первом номере произвело большое впечатление на нашего председателя правительства Сергея Леонидовича Катанандова, он в приказном порядке велел всем прочитать это завещание... И с этого начался подъем журнала. По крайней ме-

ре, хоть какое-то финансирование пошло...

С.Я. Вот интересно, Станислав, как в жизни все возвращается на круги своя. Вот и Дмитрий Михайлович, с которым я так, скажу честно, даже раньше тебя познакомился, потому что мама его у меня работала помощницей в музее, старенькая уже, она помогала нам профилактику на иконы накладывать. Удивительной чистоты и порядочности была женщина.

Помню, стоим мы у нас в Марфо-Мариинской обители на Ордынке в реставрационном центре, курим, разговариваем, вдруг ворвался – у нас еще пропускной режим был – человек удивительный, такой Щеголенок, одетый в сапоги, брюки навыпуск, в своей шапочке, то ли исламской, то ли какой-то церковной, с окладистой замечательной бородой, и сразу, не здороваясь, закричал: «Вы вот здесь стоите, курите, а там церкви жгут в Карелии! Что же вы делаете?!» Я ему говорю: «Дмитрий Михайлович, я что, министр культуры? Я делаю то, что могу». И, несмотря на его такой взрывной характер, я понял, что жизнь нас сведет поближе. Но потом-то, я знаю, ты в его жизни сыграл большую роль, сдерживая его порывистые выступления. Он уехал из Карелии ко Льву Николаевичу Гумилеву, мы с ним имели счастье быть его учениками и близкими людьми, и когда Дмитрий Михайлович обосновался в Новгороде, мне было радостно, когда я там работал, приходиться к нему! Мы вспоминали Карелию, вспоминали тебя... И вот убийство, с

которого ты начал. Я знаю, что убил сын, знаю от Володи Поветкина, его самого близкого человека в Новгороде, замечательного человека. Но мы сошлись с Володей в одном: убил-то сын, но подготовили его как раз те самые люди, которым это завещание не понравилось.

С.П. Я хотел бы выделить прежде всего балашовскую энергетику. Потому что сегодня, делая журнал, хорошо понимаю, что крайне важно таких энергетически заряженных людей проводить через его страницы. Даже если читательская масса – всего тысяча человек, пять тысяч, десять – они передают эту энергетику друзьям, знакомым, близким.

Наша последняя удача – роман «Патологии», который прислал мальчишка 28 лет из Нижнего Новгорода, прошедший две чеченские войны и написавший блестящую вещь. Но самое главное для нас, что он остался человеком и передал такое, до чего профессиональный литератор, не хлебнувший лиха лично, никогда не дойдет. Вот удивительно, выходит журнал: через неделю все, что не идет по подписке, – раскуплено. Вот что значит энергетика, которая передается от человека к человеку: один прочитал – еще десять прибежали, купили.

Четыре года назад я принял журнал – было около 170 подписчиков, включая фирмы, библиотеки, обязательные все дела... Сегодня – 730. И я думаю, что, если так дело пойдет, очень скоро, как при стрельбе в цель, мы будем считать 1000 из 1000. Все разойдется по подписке, будем наращивать тираж. Я к этому не стремлюсь специально, потому что десять действительно верующих, энергетически заряженных личностей сде-

лают больше, чем тысяча невежущих и эгоистически заряженных. Это сегодня самое важное, потому что точное слово и точный поступок сработают сильнее, чем все лозунги, к которым мы так привыкли.

С.Я. Я очень высоко ценю пословицу: «Не стоит село без праведника». Журнал твой является одним из тех праведников, которые не позволяют России полностью пасть на дно пропасти, о которой нас предупреждал Лев Николаевич Гумилев в беседах с Дмитрием Михайловичем Балашовым... Вот в твой журнал, в праведный орган, и я свой кирпичик, свое бревнышко кладу, и очень рад, что привлек в твой журнал Александра Исаевича Солженицына, Валентина Григорьевича Распутина... Они же занятые люди, но то, что они относятся к журналу с вниманием, мне приятно! Они ценят то, что ты делаешь. Мне бы хотелось, чтобы ты рассказал, с кем ты создаешь журнал, кто твои единомышленники в редакции.

С.П. В редакции сейчас практически не осталось старых кадров, кроме меня и заведующего отделом критики Ивана Константиновича Рогощенкова... Тут естественное возрастное вымирание... Самое главное, что удастся сохранить в коллективе заботу о качестве. Конечно, хотелось бы большего. Если московским ребятам показать, в каких условиях мы работаем, какие у нас зарплаты, какие возможности! Недавно звонила знакомая писательница из Финляндии, она владеет русским языком, спрашивала: «Станислав, правда, что вы получаете 100 евро?» Я ей говорю: «Марья-Леена, сколько

вам говорить, не верьте всякой чепухе, которую вам вешают на уши, – не сто евро, а меньше!» Она мне не поверила – кто за сто евро в Европе будет работать месяц? И какой главный редактор, в какой стране, как я, три часа таскает доски, чтобы они не пропали? Мы с женой шесть тонн за день перекидали – шесть тонн! А нам, извиняюсь, почти по семьдесят! Но дело не в этом. Дело в том, что, если хочешь сделать хорошо, – делай сам. Эту старую истину никто не отменял. (...)

Сейчас очень мало пишут – сейчас одно письмо, видимо, равно сотне читательских откликов. Главная моя забота – возвращение доверия к слову. Я думаю, в начале 90-х это доверие рухнуло, потому что 70 лет бормотали про светлое будущее, про коммунизм, от каждого по способностям, каждому по потребностям, а потом всем показали большой кукиш, и не один раз – трижды ограбили страну, и к людям, которые много чего изрекают, народ, естественно, относится с большой настороженностью, если не сказать резко. В этом плане литература потеряла свои тиражи тоже не случайно. Я продолжаю думать, что у нас думающий, умный, читающий, переживающий народ, все он принимает – но недоверие есть недоверие. Сейчас приходится – ты вот занимаешься всю жизнь реставрацией, Савва, – и нам заниматься реставрацией слова. В начале было Слово – и мы тем и занимаемся, что восстанавливаем эту правду. (...)

С.Я. Станислав, я теперь как член Совета журнала, естественно, внимательно просматриваю, прочитываю каждый номер. (...) И этот вопрос к тебе как к главному редактору

«Севера». Уже в Петрозаводске есть очень светлые вещи, мы с тобой в позапрошлом году отмечали и праздновали открытие Музея изобразительных искусств. Как птица Феникс из пепла, возродился музей! Музей на мировом уровне. Хотелось бы, чтобы так же было и в Кижях, чтобы не строили рядом дома пришедшим людям на острове. Есть какая-то запущенность... Как ты на это смотришь?

С. П. Я бы не хотел быть судьей, не имею тут права на окончательные приговоры, мой взгляд такой.

Место, где мы сейчас находимся, напротив Кижей, это большой Великогубский залив. Великая Губа в XIX веке – начале XX делилась на три почти части: Великая Губа на материке, в самом конце этого залива, Кижь посредине и Сенная Губа при входе с Онежского озера. Все они были по населению одинаковы. Две с половиной тысячи в Великой Губе, две с половиной в Кижях – здесь в округе деревень были десятки, – и в Сенной Губе две с половиной. Сейчас там сорок человек, там сорок человек, и в Великой тысячи две, даже после развала совхоза.

Так вот, я думаю, что прежде всего нужно восстановить численность населения, точно так же, как в России нужно прекратить вымирание населения. Они вот сидят, чешут в Кремле репу, как говорят очень простые люди, и не знают, какую национальную идею обозначить. А обозначить нужно сохранение народа прежде всего. Потому что не будет народа – никакая идея никому не будет нужна. Придут китайцы, как говорил Балашов, и дорезут остальных... Вот когда в Кижях будет две тысячи постоянного народа, можно будет говорить о

том, что происходит что-то положительное. Когда в Сенной Губе будет тоже две тысячи народа, я уж не говорю про две с половиной – пусть строятся! Не надо бить по рукам. Деревянный дом долго не простоит – 100 лет, 150. Придет время – его можно будет сменить на каменный, на что угодно; но важно, чтобы люди зацепились за это место, чтобы оно стало для них родным. И это правило, которое должно действовать по всей стране. Я как-то ехал в Сыктывкар через Вологодскую область – часами ни одного дымка, ни одной избы. По плечи трава, с ушами в траву уходишь – а мы не знаем, чем коров кормить! Нужен тебе гектар – возьми гектар, благоустрой его! Ну почему шесть соток? Почему вы зажимаете, бьете по рукам мужика, который хочет жить, производить, хочет, чтобы земля плодоносила? У нас за этой вот стеной были поля на несколько километров – сейчас даже следа нет! А это все засевалось. Сейчас лес, кустарник, болото – это все были поля! Жили две с половиной тысячи в кижской трети – и всем хватало воды, рыбы, зверя, леса, земли. Жили-то натуральным хозяйством!

Поэтому прежде всего – заселение, прежде всего – чтобы были люди. Я в Кижях много раз говорил старому еще руководству музея: во-первых, надо сохранять школу плотницкую и школу сердечного отношения к месту, потому что оно тоже вымирает вместе со старым населением. Зовите хороших плотников, дайте им кусок земли, дайте возможность построиться, ловить рыбу; выделяйте среди них тех, у кого есть сыновья, чтобы переходило все из рук в руки, чтобы место стало родным, чтобы кижские храмы

были составной частью сердца и души каждого – тогда местное население это место будет держать, как Петр говорил про Кронштадт.

С.Я. Ты правильно говоришь, что надо не учить только, а сделать самому... Дом, в котором я провел большую часть своей жизни, дом семьи Елуповых, который под двести лет подбирается, – дом этот цел, в нем живут его дочка Галя и ее дети, сохранились какие-то постройки – баня, сарай... И у меня родилась идея два года назад: чтобы привлечь людей к этому труду, показать, как же здесь, на Севере, вырос такой плотник. А ведь это не только Елупов, это практически все члены его бригады – он был главой, лидером. Сохранилось многое от того времени. И я очень рад, что после долгой волокиты, переписки с музейщиками президент республики Сергей

Леонидович Катанандов разобрался в этом вопросе, мы в Обществе охраны памятников получили от него окончательное и бесповоротное письмо с решением восстанавливать этот дом. Я вижу, ты бьешься как рыба об лед, стараясь что-то сделать, но пока что ищем мы тебе спонсоров. Для того чтобы журнал существовал, какая помощь тебе нужна прежде всего?

С.П. Крайне несправедливо положение, при котором мы сейчас существуем. Журнал продолжает оставаться не только северо-западным, объединяя Мурманск, Архангельск, Вологду, Коми, Карелию, – мы печатаем авторов буквально отовсюду. Вот эта широта охвата не должна заслонять для всех руководителей северо-западных областей то, что «Север» является прежде всего их журналом, а они кидают литераторам какие-то подачки ежемесячные вместо того, чтобы поддерживать журнал, который эти деньги платил бы людям за

работу. Но на мои письма из губернаторов областей никто пока не ответил.

С.Я. Я уверен, Станислав, что все-таки журнал твой, так хорошо начавшийся, будет развиваться. Это во многом зависит от тебя, спасибо тебе огромное – и, конечно же, зависит от тех, кому, ты правильно сказал, литература должна быть жизненным подспорьем. Спасибо за беседу, Станислав.

Савва Васильевич Ямщиков

(1938–2009) – известный реставратор, искусствовед, историк, публицист. Автор многих научных трудов по древнерусскому и современному искусству, организатор выставок. Особый интерес проявлял к культуре провинции. Был инициатором возвращения в Россию вывезенных в годы Великой Отечественной войны предметов искусства. Был ведущим специалистом ГосНИИР (Всероссийского института реставрации), действительным членом РАЕН (Российской Академии естественных наук). Заслуженный деятель искусств России. Являлся членом редакционного совета журнала «Север».

Станислав Александрович Панкратов

(1935–2005) – талантливый прозаик, публицист, драматург, переводчик, журналист. Автор более десятка книг. Много лет жизни отдал Северу, служил на Северном флоте, путешествовал по миру: Европа, Америка и, конечно, просторы Советского Союза. Пешкой прошел весь Терский берег Белого моря. Книги С.Панкратова были высоко оценены как простыми читателями, так и литературной критикой. Писатель Илья Бразнин так охарактеризовал С. Панкратова в 1967 г.: «Он очень талантлив. Очень современен. Отлично владеет трудным искусством живописи словом. Отлично видит людей. Перо его человечно, находчиво, тактично, умело, остро и остроумно». В 2000–2005 гг. был главным редактором журнала «Север».